

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Янина КОРБУТ

ТРИ ПАПЫ,
КРАСАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ

Смешные детективы

Янина Корбут

Три папы, красавица и чудовище

«ЭКСМО»

2021

Корбут Я.

Три папы, красавица и чудовище / Я. Корбут — «Эксмо»,
2021 — (Смешные детективы)

ISBN 978-5-04-160604-6

Хозяйке ивент-агентства Дарине и ее беспокойному помощнику Славику, мечтающему о славе детектива, сваливаются на голову сразу два дела: узнать, хранит ли верность супруга майора Анатолия Камешкова, и разгадать тайну пропажи черного петушка. Хозяйка украденного вестника зари подозревает, что тут замешена черная магия и жертвоприношения... Новоиспеченным сыщикам придется хлебнуть деревенской жизни, влюбиться, поверить в Черного петуха, найти труп и распутать не только клубок смертей, но и давно забытое дело об аварии. Именно в этот сложный период Дарине очень нужна помощь эксцентричной мамули и трех отцов: подполковника полиции, авторитетного бизнесмена и неторопливого философа. Да, у Дарины три отца. И все родные. Неужели такое возможно?

ISBN 978-5-04-160604-6

© Корбут Я., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Янина Корбут

Три папы, красавица и чудовище

Глава 1

Из черного пластикового пакета кокетливо выглядывали свиные уши, прозрачно намекавшие, что где-то там, в недрах, притаилась и сама свиная голова. Я нервно слотнула и попыталась еще раз добиться от посетительницы, по чью душу она явилась.

– Да говорю же, Тамара я, из Петушков. Вы объявление давали? – полноватая румяная тетка в шерстяном берете, сползающем на ухо, сунула мне прямо под нос смятую газету. Судя по запаху и характерным пятнам, совсем недавно в нее заворачивали бутерброд с селедкой.

Ткнув пальцем куда-то в область жирной кляксы, она утерла пот ладошкой и голосом, каким обычно разговаривают с глупым дитем, завела свою песню снова:

– Написано, что частный детектив туточки принимает. И первым клиентам скидка 90 процентов. А мне надо, беда у нас в деревне. Кому сказать? Любимца лишилась, а еще муж чуть не помер, зараза его бери! Полез на чердак – и вниз кулем. А птица вся лежит умерши, натерпелась через эту стервь. Вон, руки у меня до сих пор дрожмя дрожат. А вы детектива не видели, где его искать-то?

Постепенно до меня стала доходить суть происходящего. Внимательно изучив объявление, я хмыкнула, а рука моя непроизвольно потянулась к телефону. Хотелось громко материться, но не делать же это при незнакомой тетке. Девушка я интеллигентная, хотя тут и случай особенный... Меж тем Тамара продолжила свою душещипательную историю.

Вопреки моим крамольным мыслям любимцем оказался всего лишь черный петушок породы Аям Чемани. Тамара даже показала его гордое фото на телефоне: с экрана на меня злобно смотрели немигающие черничные глазки-бусинки.

Оказалось, Тамара жила в деревне Петушки, разводила птицу и воспитывала мужа Леонида, который был закодирован уже лет как десять. Этот момент она подчеркнула особенно и с гордостью. Стервью же оказалась соседка Тамары – старая Марфа, жившая от нее через дом.

Итак, петушок пропал, и хозяйка подозревает злокозненную соседку в использовании своей птицы в ритуале жертвоприношения. А после того, как она высказала врагине свое «фи», дом атаковала воющая стая собак. Остальная птица тоже в одну ночь пала, сраженная проклятием.

Такой ахинеи я давно не слышала, но постепенно втянулась и, подперев рукой голову, мерно кивала в такт ее словам.

– Ведьма она, вот те крест. Все так говорят: и Костик, и бабка Мальвина, и Лизавета, что коз держит. Да все местные. А народу к ней сколько ездит! Едрить-колотить! Да все на машинах дорогих, а палисадник мой в кашу смяли.

Тут Тамара подскочила и, понюхав пакет, устроила его под стулом.

– Ой, как бы свиная голова вам тут не замастила пол!

Я обреченно взглянула на дорогущий бежевый ламинат, а после на свои новенькие швейцарские часы – подарок от отцов на последний день рождения – и попыталась тактично кашлянуть. Тамара проигнорировала мои потуги и продолжила:

– И ладно бы только это, так нет, ей еще и участок мой понадобился. Я для дочки брала, а она не садит. Зять говорит, что в наш Мухосранск только на пенсии переедет. Ну и стоит. И что?

– И что? – зевнула я.

– Ну и пушай стоит, не ее ума дело. Старая упыриха, уже почитай годков 70 ей, а все туда же, в черную магию! Петушка она свела, помяни мое слово! Они им голову свернут – и амба. А кровь для обрядов, это Костик сказал, он в этом деле знает толк, у него теща тоже ведьма была. Так вот, петушок помер в тот день, как я голову свиную привезла, как сейчас помню...

– Да что вы заладили со своей свиной головой? – не выдержала я пытки свининой.

– А ты погоди, ретивая. Вот я же говорю: голову купила в тот день. А я ее аккурат 15-го числа покупаю, как пенсию дают. Я в этот день к дочке в город езжу. Потому-то число и запомнила.

Тут в коридоре показался хор мальчиков-гусаров, репетирующий номер к корпоративу нефтеперерабатывающей компании. Людочка из приемной весело пересчитывала их, как цыплят по осени, и это немного отвлекло Тамару от свиной темы:

– Ой, гляди-ка, гусарики. Небось употели! Вы бы их рассупонили, а то просквозит же. Жарит у вас тут, как в аду.

– Кстати, про ад... Может, на сегодня хватит? – с надеждой глянула я на гостью. – Вашего сыщика все равно нынче нет, он на задании. Давайте я ему все передам, а он уже с вами свяжется. Идет?

– А ты, чай, у него секретарша? – усмехнулась Тамара, обмахиваясь газетой. – Я и гляжу: мордашка смазливая, а на уме небось только моды да журналы. Настоящий сыщик – это же скала, мощь, мозги! Помнишь Коломбо? По телевизору показывали? Хотя ты сикилявка тогда была. Вот это мужчина был, а плащ какой...

– Это такой возрастной чудак в потертом пальто, бормочущий про свою жену, которую никто никогда не видел? Он еще всегда оборачивается у двери, в которую вот-вот выйдет, и говорит расслабившемуся злодею «И еще кое-что...». А потом задает главный вопрос, который и раскрывает преступление.

Тамара всплеснула руками, ахнула, а я ухмыльнулась, пробормотала «так-то» и откинулась на спинку кресла. В этот момент я представила, что скажет любительница Коломбо, когда увидит детектива – моего тощего секретаря Славика с выбритыми висками, в джинсах скини и неоновой толстовке. Тамара закричала, поднимаясь со стула. Стул тоже натужно закричал, пакет под стулом накренился, а свиная голова таки победоносно выкатилась в центр кабинета.

Застонав, я уронила свою гудящую от рассказов гостью голову на сложенные руки и расхохоталась под неодобрительные взгляды одевающейся Тамары. Как только дверь за ней закрылась, я набрала номер человека, которого в данный момент очень хотелось прибить чем-то тяжелым. Но так как отцами у меня были подполковник, бизнесмен и философ, то я оценила риски, взвесила возможности и просто три раза глубоко вдохнула.

Да, вы не ослышались. У меня три папы и секретарша Славик. Обычно это всех удивляет, а как по мне, то все это дела житейские. Мама трижды была замужем, и каждый раз – удачно. Она бы с этим не согласилась, но для меня все три отца были лучшими на свете.

Папа № 1 не был моряком дальнего плавания, но слишком долго плавал. Так бабуля вещала. Уже в два года я знала, что папа-полицейский всегда на работе и борется со злом. Даже свечки на его именинном торте приходилось задувать мне.

Папа № 2 был бизнесменом, а не бандитом. Но, по мнению все той же вездесущей бабули, все богатые люди из 90-х – бандиты, а он был богатым, лысым и упорно тяготел к кожаным пиджакам.

Папа № 3 не ловил ворон. Он был философом, но от востроглазой бабули не укрылся тот факт, что он был бездельником. Мамуля нашла в третьем отце тихую пристань после папы-бизнесмена: в ту пору третий отец работал частным психологом.

Но родительница терпеть не могла оседлую жизнь, считая, что лучше безобразие, чем однообразие. Мамуля сказала отцам «adios», но все трое звали меня дочкой и щедро делились житейской мудростью и всем, что Бог пошлет. Словом, с отцами мне несказанно повезло.

Все мои папы называли друг друга не иначе как бывший, предбывший и следующий. При этом в разные времена отношения их варьировались от полной неприязни до передачи друг другу чудодейственной тайской мази от геморроя. Как-то я спросила у отцов, как им в свое время удалось создать и сохранить некое подобие дружбы, на что папа № 1 туманно заявил, что общие страдания объединяют.

– Страдание после расставания с мамой? – робко спросила я, но по папиному лицу поняла, что не угадала. Хотя нет, попала я почти в точку. Только предлог «после» в моем вопросе надо было заменить на предлог «до».

Но папа был джентльмен, потому потупил взор, пробормотал что-то неопределенное и уткнулся в свою любимую книгу – «Преступление и наказание». Его последователи повторили тот же трюк, только книги были другие. У второго «Уголовный Кодекс», а у третьего – «Большая книга психики и бессознательного. Толкование сновидений».

Сама я, хоть и работаю в агентстве праздников, окончила юридический факультет: Папа № 2 и № 3 одобрили выбор. Первый хотел иметь своего юриста на случай непредвиденных обстоятельств, второй надеялся, что там я быстро осознаю суетность и тщетность бытия и поеду с ним в Китай к шаманам. Папа № 1, по обыкновению, пропустил дебаты: он был на работе и боролся со злом.

Кое-как получив диплом, я бросила юриспруденцию и занялась организацией свадеб. Потому что юрист я была плохонький, а организатор от Бога. Так мама говорила. Свою первую свадьбу я организовала еще в утробе родительницы. Это тоже ее слова, не мои. Благодаря мне родители и окольцевались. Я была незапланированным, но любимым ребенком: назвали меня Дариной, что означает «Божий дар».

Владеть своим праздничным бизнесом казалось мечтой: белые платья, голуби и торты. Папа № 2 по случаю купил мне пустующий офис в самом центре. Там я и открыла агентство праздников «Шанс от Дарины». Мой пакостный секретарь Славик всегда добавлял к названию приставку «последний».

Как и всякий организатор, через год я уже не пылала любовью к тортам, шарикам и голубям. Первые вызывали тошноту, вторые противно воняли резиной, а голуби не только воняли, но и гадили. А еще птичек было жалко.

Через год я возненавидела юбилеи и свадьбы, стала цинично смотреть на институт брака и на открытки с пожеланиями. Через два вошла в ритм и ночевала на работе. А через три решила вообще не отмечать свой день рождения и не выходить замуж, а сосредоточиться на карьере.

Папа № 2 посмеялся с моей «блажи», а папа № 3 изрек очередную мудрость (где он их там брал, лишь Богу известно):

– Каждый идет своим путем. Но все дороги все равно идут в никуда. Значит, весь смысл в самой дороге, как по ней идти.

К тому времени он бросил психологию, стал постигать буддизм и достиг такого уровня просветления, что понять его простым смертным было не по силам.

Папа № 1 в обсуждениях не участвовал: он был на работе и боролся со злом.

Со дня основания агентства со мной работал Славик. Он достался мне в наследство от папы № 2: когда-то работал у него медбратом (да-да, Славик перебрал почти все женские специальности). Папа решил, что мне он нужнее, но я подозреваю, что Славик был у меня папиными «ушами».

Мой секретарь – выдающаяся личность, достойная отдельного описания: существо почти без достоинств, крайне зловерное и ехидное. Он патологически ушаст, психически неустойчив, снизу доверху покрыт локтями, коленями и кожными высыпаниями. Кажется, Славик состоит только из эмоций и амбиций. Зато от него всегда можно узнать что-то новенькое, посплетничать, и позлословить он мастак.

Толстых клиентов он всегда называл жирдяями, хоть я и объясняла ему, что в нашем мире праздника и радости не говорят «жир», а лишь прозрачно намекают на «лишние сантиметры в области талии». Но не таков был Славик. Если у дамы были пикантные волоски над верхней губой, он звал их пышными усами, а эффект апельсиновой корки на бедрах юных прелестниц глумливо именовал жутким целлюлитом.

Конечно, с его костями не понять, что гораздо приятнее, когда твои ягодички напоминают апельсин, а не вялую каракулевую шапку. Но на костях нет целлюлита, а у Славика отродясь не было чувства такта.

Несмотря на абсурдность следующего заявления, Славик всегда чрезвычайно нравился дамам всех мастей и возрастов: видимо, он вызывал у них острый материнский инстинкт, а еще желание накормить его досыта и приложить к широкой и плодородной груди.

Нет, вы не подумайте, обычно Славик ворчит только наедине со мной, иначе мог бы пожизненно лишиться премии. Я для него почти что идеал (так он говорит накануне зарплаты), хотя и во мне он периодически ищет изъяны: то слишком яркий маникюр, то посадка джинсов неудачная, то оттенок блонда потускнел. Сам Славик считает себя сексапильным модником, прекрасным работником и невероятно начитанным джентльменом. Ну а я помалкиваю и посмеиваюсь в кулачок, руководствуясь житейской мудростью: «Хоть и плохонький, да свой».

И вот теперь этот пакостник подкинул мне очередную свинью. Помянув свинью, я непроизвольно поежилась и даже зачем-то помахала руками «свят-свят». Сам же упомянутый все пакостник на данный момент пребывал в роскошном ведомственном санатории, где занимался реабилитацией своей вывихнутой ноги. Итак, рассказываю по порядку.

В конце марта Славик неожиданно запросился в отпуск. Вскоре причина стала ясна, как божий день. Папа № 2 со своими бизнес-партнерами решил махнуть на отечественный горнолыжный курорт, а мой плохонький секретарь понадобился ему там в качестве медбрата. Конечно, папа хитрил. Я-то знала, что Славик отлично ставит капельницы, выводящие из запоя, а этот ценный навык папе и его собратям по отдыху был очень кстати. Но Славик бы со мной не согласился. Сам-то он называл свою экспедицию в горы попыткой «ухватить зиму за хвост» и был крайне рад быть полезным папе № 2.

Я отпускать Славика не хотела: надо заранее готовиться к выпускным, да и зима давно закончилась. Но папа № 2 просил за него, утверждая, что сезон лыж закрывается только после майских праздников, и я сдалась. Вот как чувствовала, что ехать туда этому Буратино не стоит! Кататься Славик, конечно же, не умел. Ринулся спасать упавшего папу (тот тоже катался хуже, чем наживал миллионы) и сразу же получил вывих ноги.

Ногу ему вправили, фиксирующую повязку наложили, купили билет и отправили поездом восвояси. Местный эскулап, не чая избавиться от этого болтуна, рекомендовал, после того как фиксация будет снята, совершать медленные пешие прогулки и прикладывать лед.

Возвращение блудного попугая на рабочее место не порадовало. Работала я все так же без секретаря, да еще приходилось помогать ему подниматься по лестницам, подавать чай и контролировать время приема лекарств.

Славик вошел в образ умирающего лебедя, стал манкировать рабочими обязанностями и совершал прогулки вокруг офиса, греша позерством. Теперь с собой он постоянно таскал трость с массивным медным набалдашником в виде головы льва. Мне кажется, откопал он ее где-то на чердаке старой дачи, потому что лев был изрядно побит жизнью. Как и сам Славик после горных лыж.

Папа № 1 как раз заехал ко мне на работу, чтобы поздравить с днем рождения, и чуть со смеху не умер, завидев этого лорда в окне. Наблюдая мои мытарства, добрый папа предложил отдать Славика свою путевку в санаторий.

– Пусть этот болезный восстанавливает здоровье и не мозолит тебе глаза, – заявил родитель и даже вызвался отправить хромого в здравницу на рабочем «уазике».

Сам папа поехать на отдых не смог, потому что как раз получил подполковника и у него прибавилось не только звездочек на погонах, но и забот по борьбе со злом.

Глава 2

Итак, набрав номер Славика, я приготовилась дать ему увесистых люлей, но для приличия сначала поинтересовалась здоровьем хромящего. На что получила емкий ответ:

– Буль-буль-буль джакузи, валяюсь я на пузе. А ты?

– Сижу на унитаза я, полная фантазии! Ты там расслабляешься в санатории, сыщик доморощенный, а мне приходится беседовать с полоумными тетками из глубинки, – огрызнулась я, хоть это мне и не свойственно.

Пришлось поведать ему историю свиной головы и почившего петушка. Славика она, кажется, впечатлила:

– Пока Илон Маск страдает ерундой, я тружусь в поте лица. Видишь, даже находясь в здравнице, нашел первого клиента для нашего детективного агентства.

Тут нужно сделать лирическое отступление, чтобы пояснить, откуда у Славика возникла тяга к нелегкому ремеслу частного детектива. Основной работой нашего агентства, естественно, были свадьбы, и однажды нам пришлось в спешном порядке искать украденную невесту.

Славик принимал в этом самое деятельное участие и возомнил себя едва ли не Шерлоком. Он зачем-то нюхал оставленную исчезнувшей туфлю, ревизировал содержимое ее тарелки и опросил танцевальный коллектив из Грузии, выстроив их по росту. Оказалось, невеста просто сбежала с любовником, и это зафиксировали камеры, так что надрывался он зазря.

Но с тех самых пор в Славике прочно укрепилось мнение, что нам стоит переквалифицироваться в частное детективное агентство. А я укрепилась во мнении, что по нему психушка плачет. Несмотря на мои гневные протесты, Славик идею не оставлял. Твердил, что даже наше название «Шанс» можно оставить, а развеселую компанию отцов держать на подхвате. И вот теперь этот умник за моей спиной дал объявление в газету, а когда я стала возмущаться, заявил, что просто решил «изучить спрос».

Оправившись от тяжких дум, я в который раз зафонтанировала ругательствами, а он зашуршал обертками от конфет.

– Слушай, тебе просто нужен позитив! – прошамкал он на том конце провода. – Ты давно была в цирке?

– Я в цирке каждый день! Благодаря некоторым...

– Ладно, кончай кукситься, приезжай ко мне, как раз все подробно расскажешь.

– И не подумаю, у меня дел по горло, – скривилась я.

– А если скажу, что мне нужны кое-какие лекарства? Все-таки я твоего отца спасал, пострадал, можно сказать, не за понюшку табаку...

– Я тебе что, Черный Плащ? Свистни – и он появится! – разозлилась я, потому что поняла: ехать все-таки придется. – Ты достал манипулировать мною при помощи своей ноги! Ладно, жди, скоро буду.

Глянув на часы, я вызвала Людочку из приемной и попросила ее принять посетителей, если таковые возникнут в течение оставшегося дня. Плюхнувшись в свой желтый «Фольксваген Жук», я вспомнила, что еще с утра собиралась позвонить папе № 3. Он собаку съел на толковании снов, а мне накануне как раз приснился один такой, требующий пояснения. Сам сон я помнила весьма смутно, а вот ощущение, что я запуталась в паутине и не могу выбраться самостоятельно, преследовало меня все утро.

Папа отозвался после четвертого гудка: голос его звучал отстраненно, словно он отринул все мирское и витает где-то в горних высях. Мне показалось, что в салоне моей машины даже запахло сандаловыми палочками. Выслушав мой сбивчивый рассказ, папа долго молчал, и я уже совсем было решила, что он ушел в себя, но тут прозвучало следующее:

– Запутавшейся в паутине бабочке не легче от того, что паук оказался мёртвым.

Надо сказать, последнее время папа стал оперировать одними цитатами, коих накопил за жизнь великое множество. Мы с его гражданской женой Дусей даже стали всерьез опасаться, что скоро он и вовсе перестанет разговаривать обычными, мирскими словами. Оттого она старалась чаще читать ему желтую прессу и житие звезд эстрады вслух, а я звонила и донимала его своими снами и предчувствиями, чтобы насильно вернуть с небес на грешную землю. Хватало папы ненадолго. С криком «уймитесь, трещотки» он надолго закрывался в своей тайной комнате уединения, в простонародье именуемой туалетом.

Я хмыкнула, папа немного подумал, протянул «м-да» и передал трубку сопящей рядом Дусе. Мы с ней немного потрепались о жизни, но тут я подъехала к аптеке и быстро распрощалась с мачехой.

В аптеке пахло валерьянкой, и я немного успокоила нервы, взбудораженные упоминанием бабочки и паука. Папа всегда бил не в бровь, а в глаз, оттого подсознательно я подготовилась к испытаниям.

– Ну что, болезный, диктуй, что тебе там в аптеке надо было, – потревожила я Славика, а когда он заявил, что нужные ему медикаменты – это коньяк и бананы, до которых Славик большой охотник, пришлось снова прибегнуть к помощи валерьянки.

Купив себе пару упаковок про запас, я отправилась в продуктовый, который находился в том же здании. Грязно ругаясь про себя, я перебирала ветки бананов на витрине. Все, как одна, были с изъянами, и копаться пришлось долго.

Рядом пасса ехидный дедок с сеткой, по виду – родной брат Коцея Бессмертного, весьма охочий до разговоров. Я почти совсем плюнула на бананы, обратив свой взор на полку с коньяком, как вдруг дедок разразился пронзительным монологом на тему пользы бананов для мужской потенции.

– Только я бананы давно не беру. Давеча в новостях передавали: мужчину, что бананы, вон как ты, телюбонькал, скорпион жажнул за палец. Так что ты, внучка, не шебурши так активно. Мало ли какая там живность притаилась...

Я одернула руку, словно скорпион меня уже жажнул, и, криво улыбаясь, поблагодарила дедка за проявленную бдительность. Но на жизнь стала смотреть без удовольствия. Только скорпиона мне еще не хватало. Пришлось прибегнуть к помощи работника магазина: надеюсь, он ничего не слышал про скорпионов. В любом случае, магазин я покинула с облегчением и с бананами в пакете.

До санатория с гордым, но ничем не подкрепленным названием «Юность» я домчала за полчаса. Юность здесь была представлена в основном Славиком и молодыми медсестрами в кокетливых белых халатиках. Остальные отдыхающие были людьми слегка за пятьдесят, статусными и важными.

Прямые очертания продолговатого главного корпуса и боковой пристройки белели среди обширного сада, украшенного аллеями и беседками. Правда, в такую пору года деревья еще только «оперились» листвой, предвкусывая настоящее тепло. А вот за крышей санатория плавно, сплошным массивом, поднимался к небу сосновый лес. Он-то и придавал воздуху такую искрящуюся свежесть, что я мгновенно почувствовала, как на моем лице разгладились все мимические морщинки. Озон и тихий размеренный образ жизни.

«И никакой косметолог не нужен», – думала я, пока перепрыгивала через ступеньку на второй этаж, где у Славика был одноместный номер со всеми удобствами. Однако отдыхающего в номере не оказалось, и уборщица, посмеиваясь, подсказала мне поискать его в СПА-центре. Там я Славика и застала.

Он возлежал на кушетке в плавках цвета всего сразу да лениво потягивал кислородный коктейль в компании краснолицего грузного дядьки с зычным голосом. В бассейне резвилась

пара разнокалиберных дам предпенсионного возраста, которых краснолицый игриво называл «девочками».

– Ну что, айда купаться голенькими? – радостно заорал Славик, завидев меня в дверях.

– Славик, купаться голеньким одному как минимум странно. Вон, все уже разошлись.

Девочки с краснолицым в парилку отправились.

– А ты?

– А я плавать не умею, ты забыл? Да и при чем тут... Славик, ты, конечно, извини...

Если честно, я думала, что ты – гей.

– Чего это? – искренне удивился Славик, а я упала на лежак рядом с ним, вытянула ноги и блаженно закинула руки за голову.

– Ну, единственная женщина, с которой я тебя видела вместе, – это твоя мама. На прошлой неделе.

– Моя мама уже два месяца гостит у родни в Анапе, – скривился приятель.

– А кто же тогда... А-а-а, – дошло до меня наконец.

– Ну и что тут такого? – набычился Славик, теряя интерес к коктейлю. – Если даме чуть за 40, это не значит, что она не достойна любви.

– Ну, там было хорошо «чуть за»...

– Это нюансы. Иногда я люблю разнообразить досуг, – с достоинством отозвался секретарь.

Мы еще немного вяло поперекались о жизни. Я рассказала, как обстоят дела на работе, и только начала выговаривать ему за объявление, как из парилки выскочил красномордый с девочками. Весело улюлюкая, они плюхнулись в воду, а я подумала, что далеко не кислородные коктейли вселили в них такую молодецкую удаль.

– Знакомься, мой добрый друг и сосед Анатолий, – представил мне красномордого Славик, когда тот, весело отфыркиваясь, выбрался к лежакам и плюхнулся в кресло.

– Майор Камешков, – отрапортовал дядька, козырнул мне рукой и принялся выливать воду из ушей. – И откуда к нам такую красавицу занесло? Никак та самая прекрасная начальница, про которую Славик днями талдычит?

Я улыбнулась, дав понять, что комплимент оценила, но тут Камешкова отвлекли «девочки», вновь пытаясь утянуть его в пучину разврата, словно русалки. К веселой компании присоединился тощий мужчина с военной выправкой и усами, как у моржа, а Славик, воспользовавшись шумом, зашептал мне в ухо:

– Толик Камешков – наш первый настоящий клиент. Он в восторге от нашей идеи с детективным агентством и обещает уладить вопросы с законом в обмен на любезность. Ты не смотри, что он мужик с виду простой. У него связи есть, наш-то папа подполковник не расстарается. Принципиальный, блин.

То, как Славик легко присвоил себе моего кристально честного папу, возмутило, но я успела выразить это только гневным шевелением бровей, потому что Славик продолжил плевать мне в ухо.

Оказалось, история Анатолия стара как мир. У него имелась вторая молодая жена Алла, которую он подозревал в шашнях на стороне. Бравый майор Камешков недавно получил известие о наследстве от бездетного дядюшки-полковника из столицы. Делиться имуществом при разводе с прелюбодейкой он не желал, поэтому ему нужно было точно и срочно знать, как у Аллочки обстоят дела с супружеской верностью.

Обратиться к кому-то из коллег по работе он не мог: опасался сплетен и звания «рогоносца». В довершение выяснилось, что пару дней назад он пообещал продать Славике розовый «Мини-Купер» своей жены (та захотела новую «Тойоту»), хорошо скинув «по дружбе».

К тому моменту, как Славик дошел в своем повествовании до машины, он уже успел одеться, и мы вышли на улицу.

– Ты купил розовый «Мини-Купер»? – не поверила я и медленно повторила по словам. – Розовый. Мини. Купер.

– Ну, пока еще официально не оформил. Дело за малым. Шикарно, да? Это всего лишь вопрос денег, – небрежно бросил Славик, помахивая брелоком.

– Раньше у тебя главной особенностью в вопросе денег было их долговременное отсутствие, – съязвила я, осматривая блестящую машину, припаркованную с торца главного корпуса.

– Вообще-то, кроме работы я веду свой канал в тик-токе. Давно говорил, подпишись на меня. А Камешков еще и скинет мне на бедность. Пока я тут отдыхаю, бери, пользуйся! Красиво жить не запретишь... Так что там насчет нашего первого дела?

Я покрутила пальцем у виска, демонстрируя свое отношение к данной теме, а Славик по обыкновению принялся ныть. Забывшись, он хромал не на ту ногу, давя на жалость, и даже его лев на набалдашнике выглядел уныло.

– Обязуюсь отработать сверхурочно после выздоровления. И что тебе стоит? Уже и 8 Марта давно позади, до выпускных еще время есть, работы-то особо нет. Ну, покатайся за ней денек-другой, авось что увидишь? А Камешков мне с лицензией поможет. Не все же мне в секретарях ходить, пора и на свои хлеба.

Мы навернули пару кругов по аллеям, вдоволь надышавшись воздухом, и Славик заторопился к ужину.

– Камешкову я сказал, что у меня есть партнер по бизнесу, который пока пошпионит за меня. Лучше ему не знать, что это ты. Ну, ты понимаешь, да? Я, конечно, за феминизм, но... Может, останешься? Я на диванчике лягу, посидим, покумекаем. А то, может, и выпьем по маленькой.

– Нет уж, – похлопала я его по плечу, – должен же кто-то работать, пока ты тут ваньку валяешь. А пить я тебе вообще запрещаю, только кефир на втором ужине. Так и быть, понаблюдаю я за твоей Камешковой, но за это ты будешь работать все летние субботы, идет?

– Человеколюбие никогда не было твоей особенностью, – скривился Славик, но, подумав, согласился и пообещал прислать мне все исходные данные по дамочке на телефон. Однако, махая вслед моей машине тростью со львом, секретарь поджимал губы и глядел недобро.

Глава 3

На следующий день работа закружила меня в водовороте праздника и веселья. Вопреки предсказаниям Славика посыпались юбилеи, тимбилдинги и даже одно открытие салона красоты. Заставив свой стол кофейными чашками, я искрила от натуги. Пару раз даже нервно пропела «Смех и радость мы приносим людям», чем очень повеселила Людочку и приходящего айтишника.

Словом, про Славика и его мадам Камешкову я благополучно забыла, звонки болезного игнорировала, но после обеда в мессенджеры мне стали приходить мольбы и угрозы. В конце концов Славик прислал мне голосовое сообщение, заявив, что у меня нет совести, а жена Камешкова через полчаса отправляется в медицинский центр «Зарница», где она посещает массажиста. Но не простого, а золотого. В том смысле, что стоит он бешеных денег, и Камешков подозревает, что лечит он его женушке не только спину, но и сердечные раны.

Забив адрес в навигатор телефона, я поняла, что «Зарница» находится совсем рядом с нашим новым клиентом – салоном красоты «Мона».

– Ладно, убью двух зайцев. Проведу переговоры с директором и за мадам присмотрю, – пробормотала я, хватая сумку и на ходу дожевывая булочку. – Права была мамуля, врожденная доброта меня доконает.

Справедливо решив, что моя машина для игр в шпиона слишком приметная, я вызвала такси. Подъехав почти к самому медцентру, я попросила таксиста припарковаться во дворике, откуда как раз просматривался центральный вход. Пока я искала в бездонной сумке карточку и расплачивалась, успела проворонить эффектное появление подозреваемой. Новая черная «Тойота» уже стояла на парковке медцентра, а саму Аллу я увидела только со спины, опознав по длинным волосам цвета ее же «Тойоты».

Следовать прямо за ней я не рискнула, хотя продолжала считать все эти шпионские страсти нелепым водевилем. Разумеется, я не поддерживала Славика в его идее стать детективом: спроса на эти услуги особо нет, равно как и навыков у будущего следопыта. Однако Славик утверждал, что нашел узкую нишу: богатым частные детективы ни к чему, у них и так все схвачено. А среднему классу некуда податься со своей бедой: полиции лишь бы отцепиться, а у людей всякое бывает. То семейные разборки, то соседские склоки, то адюльтер. И вот тут-то без помощи пронырливого Славика им якобы и не обойтись.

Если честно, я в это не особо верила, да и секретаря терять не хотелось. Просто я резонно предположила, что вся эта слежка нужна лишь для того, чтобы Камешков скинул Славику на машину его мечты. А если так, то отчего бы не помочь человеку? Тем более последнее время моя личная жизнь разнообразием не блистала, а тут какая-никакая, а интрига.

Навыки шпионажа я давно не тренировала, а представления мои о слежке были далеки от реальности. Потоптавшись у входа, я натянула солнечные очки, потянула на себя массивную дверь и оказалась в светлом холле суперсовременного учреждения. Здесь даже бахилы сами залазили на ноги, надо было лишь нажать кнопку на аппарате.

В конце длинного коридора, уходящего налево, я заметила Аллу, которую как раз подхватила под руку молодой статный брюнет в белом халате. Я, было, высунула шею, чтобы получше рассмотреть его, но тут же почувствовала на себе чей-то тяжелый взгляд.

Дама весом в центнер восседала за стойкой регистратуры с таким видом, будто она была тут всегда. Наверное, даже медцентр построили вокруг нее. Я сразу же поняла, что мне ничего не светит, а вот Славика сюда стоило прислать однозначно. Такие габариты были как раз по его части.

Стушевавшись, я попыталась сослаться на подругу, «которая посещает тут одного специалиста и мне советует», но тетка сдвинула брови и дала мне понять, что такие сведения они не разглашают.

Я немного поскучала, изучая прейскурант, и тут мне повезло: в конце брошюры шел длинный список всех врачей центра с фотографиями и описанием рода деятельности. Мужчин было всего трое, один – армянин, второй – седовласый старец с носом-картошкой, а вот третий портрет порадовал. Молодой темноволосый мужчина с небесно-синими глазами и открытой улыбкой, врач-остеопат первой категории.

– Ты-то мне и нужен, – пробормотала я, быстро фоткая его на телефон под подозрительным взглядом регистраторши. Очевидно, я ей сразу не приглянулась, но демонстрировать это она не могла, оттого силилась улыбнуться. Улыбка уходила вбок и упорно ассоциировалась с инсультом. Я стала жаловаться на боли в спине, и для меня «о, чудо» нашлось местечко на завтра. Покинув злосчастный медцентр с облегчением, я направилась в салон красоты пешком, чтобы утрясти мысли в голове.

«Допустим, он ее любовник. И как я это пойму? Молодой симпатичный мужчина, вполне возможно. Сам-то Камешков далеко не Аполлон. Ну, записалась я к нему, а дальше что? Так он мне и расскажет, с кем из клиенток он спит», – размышляла я, перепрыгивая через лужи.

Благо салон находился буквально через дорогу, поэтому долго думать не пришлось. Вскоре я уже пила чай с молодым директором и обсуждала смету, начисто выбросив из головы фигуристую Аллу и ее гарем. Достигнув с руководством консенсуса по всем вопросам и даже записавшись на стрижку, я покинула салон красоты, весело насвистывая.

Потом вспомнила, что папа № 2 всегда запрещал свистеть, чтобы не спугнуть ассигнации, и потянулась за телефоном, намереваясь вызвать такси. На улице светило солнышко, хотя весенний воздух еще не до конца прогрелся, а по ночам и вовсе стоял дубак. Да и кепку я забыла в офисе. Словом, длительные прогулки пока отменялись, но до стоянки такси, что была как раз с тыльной стороны медцентра «Зарница», я решила все же пройтись.

Когда я уже почти дошла до ближайшей машины с шашечками, из черного входа медцентра как-то бочком выскользнул врач-остеопат, а за ним, оглядываясь по сторонам, выпорхнула Аллочка. Потеряв интерес к такси, я шагнула назад и попыталась укрыться за одиноко стоящим деревом, очень жалея, что подобраться к ним поближе нельзя.

Конечно, слышать разговор подозреваемых я не могла, но пару фотографий все же сделала. Характер общения красавца и пантеры не оставлял сомнений: эту парочку связывает не только лечение. Аллочка докурила, врач слегка сжал ей руку и, оглядевшись по сторонам, быстро «клюнул» ее куда-то в область щеки.

Весело помахивая сумочкой, мадам Камешкова обогнула здание и направилась к машине, а я, к облегчению недоумевающего водителя, таки уселась в такси.

Решив продолжить наблюдение завтра, я отправилась домой, но и там работа меня не отпускала. Более-менее покончив с делами, отправилась в ванную, после чего устроилась в кресле у искусственного камина и попыталась созерцать пламя, как учил меня папа № 3. Медитация никогда не была моим коньком, а тут еще и Славик принялся трезвонить.

Я пересказала ему события дня, гордясь собой, но к концу разговора тон у него был явно неудовлетворенный. Разозлившись, я послала его за ночным кефиром и дала отбой. Нет, а чего он, собственно, ожидал? Что я в первый же день порадую его пачкой пикантных фото? Покачав головой, я уткнулась в сценарий юбилея начальницы налоговой и читала до тех самых пор, пока меня не сморил сон.

Наступление выходных, с одной стороны, порадовало. Но мысль провести их в одиночестве не показалась особо удачной. Можно было бы завернуть к кому-то из подруг или, на худой конец, в театр или в кино отправиться. Ухажеров хватало, но большого желания тратить на них время как-то не наблюдалось.

Даже дочерний долг в эту субботу выполнять было не нужно: мама давно живет в Ницце, первый папа дежурит, второй уехал в командировку, а третий собирался практиковать ведические медитации. Он и меня звал, но я отказалась. Во-первых, нет во мне усидчивости, а во-вторых, всегда есть вероятность уйти в себя и не вернуться. Так сам папа говорит. А я молодая еще, не пожила совсем. В общем, я даже порадовалась, вспомнив о своей записи к остеопату: шея давно беспокоит, это все офисный образ жизни. Надо больше и активнее двигаться.

Тетка в регистратуре сегодня была более благосклонна. Наверное, потому что я оплатила недешевый сеанс и даже не взяла конфетку из вазы, стоявшей на расстоянии ее вытянутой руки. Меня попросили подождать врача в холле на диванчике. Боковым зрением я видела, как рука тетки как раз потянулась за очередной шоколадной радостью, но тут из коридора показался вчерашний красавец-врач и, сделав мне знак следовать за ним, приветливо улыбнулся.

Меня провели в залитый солнцем кабинет, в котором вопреки ожиданиям не было никакого сверхсложного оборудования. Кресло, кушетка, на стенах – анатомические картинки, в углу – макет скелета. Стол и ноутбук. Мой нос моментально среагировал на приятный парфюм врача.

Звали его Денис Александрович, хотя он сразу же предложил перейти на «ты» и долго рассказывал мне об остеопатии. Подробно выпросив про все мои недуги, Денис уложил меня на кушетку, заботливо прикрыл ноги покрывалом и принялся «колдовать». То есть никаких ощутимых физических действий он не совершал: то держал за руку, то слегка отклонял ноги в сторону, то подкладывал ладони под затылочные бугры. Я-то думала, что он хорошенько мнет дамочек руками, заставляя пищать и повизгивать от удовольствия. Одним словом, я была несколько обескуражена.

На середине сеанса я впала в некое подобие дремы и полностью расслабилась. В голове по-прежнему крутились мысли, как подойти к интересующей меня теме, но на данном этапе это не представлялось возможным. Даже если врач и ловелас, со мной он вел себя предельно корректно, хотя бездонные его глаза и обещали райское блаженство. И тут на помощь мне пришел случай. У Дениса зазвонил мобильный телефон в кармане халата, и сквозь тонкую белую ткань я увидела имя «Алла Камешкова».

Слегка нахмурившись, Денис сбросил вызов и, поймав мой взгляд, мило улыбнулся. Закончив сеанс и велев мне лежать еще 15 минут, прежде чем вставать, остеопат вымыл руки и, извинившись, вышел из кабинета с телефоном в руках.

Я сообразила, что звонить он будет Алле, и в два прыжка достигла двери. Прыгать так мне точно не стоило, потому что от резких движений шею по-настоящему заклинило, и я тихонечко взвыла. Но ухо к двери приклеила.

Меж тем разговор я слышала плохо: наверное, Денис отошел подальше от кабинета. На свой страх и риск я слегка приоткрыла дверь и вот тогда расслышала его слова:

– Ну что ты, малыш, все наладится. Скоро, очень скоро сможем не скрываться. Не забывай: петушок нам поможет! Собирайся, тебе уже пора. Выедешь из города и направо, а там по прямой километров пятьдесят. Все, не могу болтать, работа. Целую!

Совершив очередной прыжок, которому позавидовала бы и кенгуру, я плюхнулась на кушетку и притворилась спящей. Денис мягким приятным голосом предложил мне воды, после чего под белы рученьки вывел в коридор и помахал на прощание. Мы условились, что я запишусь еще на несколько сеансов, а моя скрученная набок шея заставила врача усомниться в силе остеопатии. Только этим я могла объяснить его задумчивый взгляд, устремленный куда-то в глущь себя.

Оказавшись в машине, я потеряла злосчастную шею, вставила в уши беспроводные наушники и, тронувшись, набрала номер Славика.

– И что мне дальше делать? – спросила я главнокомандующего сыщика, отчитавшись по всем статьям. Он у нас «главный», вот пусть и решает. Мое дело маленькое.

– Она еще спрашивает! – ахнул «главный». – Дуй к дому Камешкова, сядь на хвост Алле и узнай, куда она собралась.

– Умник какой! Мне переться 50 километров незнамо куда с больной шеей. И что я там увижу? И потом, что значит «петушок поможет»? Это что же за петушок такой?

– Оставь пошлые мысли, – хмыкнул Славик, хотя я пошлых мыслей отродясь не имела, – если бы он имел в виду то, что ты думаешь, то назвал бы его как-нибудь гордо – младший друг, хозяин или шишка, на худой конец.

– Тьфу на тебя, малахольный, – скривилась я. – Кто о чем, а лысый о расческе... Я просто подумала, вдруг это какое-то жаргонное название лекарства? Ты же у нас медик, хоть и бывший.

– Не припомню такого. Ты что же, думаешь, они хотят Толяна того... А если она едет с киллером договариваться, чтобы муженька хлопнули? И киллер явится сюда, в санаторий, и взорвет его к чертям? А я буду рядом и... – Славик так напугал сам себя этой мыслью, что в трубке послышался звук закрывающегося шкафа-купе. Он там что, прятаться вздумал? Чтобы окончательно испортить ему настроение, я ехидно поинтересовалась:

– Допустим, я поеду за Аллой. А вдруг она задержится там на несколько дней? И кто будет финансировать эту экспедицию?

Славик тяжело вздохнул, точно разом полностью осиротел, а я застыдилась. И чего вредничаю? На улице опять стал накрапывать дождик, настроения это мне не прибавило, да и ехать за мадам Камешковой повода я по-прежнему не видела. Пусть Славик сопит, как медведь. Буду его игнорировать.

Когда я вырулила на проспект, то констатировала, что в нужном мне направлении замерла вереница машин. Стоять в пробке не хотелось, и я свернула направо, решив сделать небольшой крюк и выскочить к объездной со стороны рынка. И вот тут-то я и заметила эффектную машину мадам Камешковой.

Неудивительно: город у нас не то чтобы сильно большой, а она как раз жила неподалеку от медцентра, на улице Слободской. Ее «Тойота» бодро двигалась в потоке многочисленных машин, и я сочла это знаком свыше.

– Ладно, черт с тобой, золотая рыбка. А вот конспирацию надо соблюдать, – проворчала я, следуя за неверной женой на некотором расстоянии и очень нервируя водителей, пытавшихся меня обогнать.

Когда мы выехали на трассу, стало повеселее. Машин было уже не так много, но так как я слышала о маршруте от врача, то потерять тачку Аллы не боялась. Следовала в отдалении и даже успела полюбоваться окрестностями. Путешествия меня всегда вдохновляли, я наблюдала мелькающий за окном пейзаж, стараясь не раздражаться на Славика, который втянул меня во все эти шпионские страсти.

«Лучше буду размышлять о красотах русской природы, пробуждающейся от зимней спячки».

Мимо проносились деревья, потом я увидела поворот на пионерлагерь, где когда-то отдыхала в детстве. Потом его то ли продали, то ли закрыли. За мостом через реку пришлось свернуть направо, и тогда я насторожилась: поворот означал, что мы скоро прибудем к месту назначения.

Транспорта стало еще меньше, а тачка у меня желтая, приметная. И тут машина Аллы еще раз свернула, уже налево, а я неспешно подкатила к указателю, который повалился набок и теперь был сильно заляпан грязью. Название населенного пункта осталось для меня загадкой, и я немного подождала.

«Пусть едет, все равно отыщу, где она машину поставила».

Проехав еще чуть вперед по вполне сносной дороге, я увидела, что она, дорога, расходится в две стороны. Алла двигалась по асфальтированному отрезку, уходящему влево, и я

черепашьим паром последовала за ней. Тут сельская автострада сделала плавный поворот, и я увидела большой деревянный крест, обозначающий въезд в деревню. На противоположной стороне – маленькое кладбище, а впереди – широкая улица с разномастными домами.

Впрочем, ни количеством домов, ни особой оживленностью деревни, видимо, похвастать не могла. Я доехала до магазина, окна которого были заколочены на зиму, и встретила только пару собак да красавца петуха, выхаживающего по пустырю у магазина. На крыльце сидели многочисленные коты, особенно выделялся толстый черныш с белым пятном. Он лежал чуть выше других и лениво поглядывал на меня, дергая ухом. Наверное, это был «смотрящий».

Немного подумав, я сдала назад и поставила машину в самом начале деревни, съехав на песчаную дорожку, ведущую к лесу. Сам лес был не особенно впечатляющий и преимущественно лиственный. Оттого сейчас, в серости и унынии дождевых разводов, нагонял извечную русскую тоску. Достав из багажника дождевик, который катался там еще с предыдущих майских праздников, я порадовалась своей лени. Теперь он оказался очень кстати.

Лужи на выбоинах в асфальте глаз не радовали, а новые кроссовки было жалко. Опустив взгляд вниз, я констатировала, что, выходя из медцентра, забыла снять бахилы. И повторно возрадовалась. Накинула капюшон, застегнула молнию до подбородка и поняла, что теперь меня не узнает даже родная мать. Вспомнив мать, я сразу подумала, что она бы сказала, увидев меня сейчас. Конечно же, я похожа на чучело и занимаюсь всякой ерундой, вместо того чтобы заняться своей личной жизнью. И была бы совершенно права.

– Мне и так хорошо, – вяло успокоила я саму себя, мысленно вступив в бесполезный диалог с родительницей.

Размышляя о мамуле, я вышла на центральную улицу и стала с интересом оглядываться. Чуть впереди я увидела колодец, а возле него обреталась бабулька в теплой жилетке поверх бордового халата в цветах.

– Здравствуйте! – громко поздоровалась я, а старушка кивнула. – Я тут заблудилась немного, не подскажете, как деревня называется?

Бабка, судя по всему, мне попалась совершенно глухая. Орала я долго и упорно, а выяснить удалось только то, что зовут почтенную даму Мальвиной. А еще я узнала, что она плохо видит. И подсказали мне это даже не ее бифокальные очки, а то, что она пару раз назвала меня «милок».

Потеряв всякую надежду, я уже было собралась топтать дальше, как вдруг раздался отборный русский мат и грохот ведер. Я повернулась и увидела на тротуаре дюжего мужика в семейных трусах, телогрейке и валенках. Мат был адресован собаке, что увязалась за ним и весело покусывала его за валенки, а взор свой колоритный житель села обратил на меня. Мальвина, перекрестившись, бодро подхватила ведра и весьма резво для своего возраста затрусила к дому с облупившейся синей краской.

– Мальвина глухая совсем, – заявил мужик, ткнув пальцем в сторону бабки. – Хотя она хитрая, чертовка. Как-то послал ее на три буквы, так она мне в ответ такое выдала. Вот и думай теперь... А тебе чего надо-то? Приехала к кому в гости, что ль?

– Я тут с дороги съехала. Наверное, заблудилась. Места у вас красивые, а не подскажете, как деревня называется? – малость струхнула я, потому как вид у мужика был зловещий, а места тут, по всей видимости, пустынные. И что здесь понадобилось Алле Камешковой?

Но мой собеседник неожиданно улыбнулся, продемонстрировав добрый нрав и отсутствие парочки зубов, и весело хлопнул меня по плечу.

– Так Петушки и называется, ей богу. Ты, наверное, в Звенячи ехала? Это дорога направо. Там деревня поболее будет, и школа имеется, и почта. А тут у нас по весне домов жилых мало, все больше дачники на лето приезжают. Места-то красивые, мама мия! Река, мост имеется. А хош, я тебе экскурсию устрою? Меня Костик зовут, – отвесил он мне поясной поклон, а я

учуяла стойкий запах перегара и содрогнулась. Но тут в голове промелькнула одна мысль, и я принялась ее думать, пока Костик набирал воду.

– Петушки... Точно! А я все думаю, где название слышала. Тамара из Петушков! Вот это совпадение, – хлопнула я себя по лбу, а Костик неожиданно скис.

– Так ты к Томке? Мама мия! Вот, до чего я тебе скажу, баба вредная. Хоть и родня мне. Ой...

– У вас тут и Марфа имеется? – решила я сразить Костика наповал своими познаниями, а он, подумав, осторожно кивнул:

– Имеется, ей богу. Пошли, покажу.

Шагал он, как дядя Степа Великан, и я, хоть и имела рост выше среднего, едва поспевала за ним вприпрыжку. Повернув от магазина направо, я смогла констатировать, что деревня Петушки была не так уж и мала. Параллельно с центральной улицей шли еще несколько, спускаясь ближе к реке. Дома были разные: и старые, покосившиеся лачуги, и относительно новые кирпичные коттеджи за железными заборами.

Впереди я заметила машину Аллы, которая стояла возле очень старого дома. Двухэтажная конструкция, по виду сохранившаяся с дореволюционных времен. Высокое крыльцо, впрочем, подновленное недавно, резные наличники, двухэтажный флигель, немного покосившийся, но весьма живописный.

– Прямо родовое гнездо, – буркнула я, а Костик хохотнул:

– Ага, петушиное. Ты глянь на флюгер, мама мия. Тута твоя Марфа и живет. Только я к ней ни ногой, и не проси.

Я задрала голову и смогла лицезреть металлического черного петуха, который раскачивался на ветру и слегка поскрипывал.

Было в этом доме что-то зловещее и завораживающее, но подходить ближе я не рискнула. Во-первых, как я объясню свой интерес хозяйке, а во-вторых, из-за забора раздалось грозное рычание, а грозных собак я с детства боюсь. Папа № 1 говорит, что когда-то на меня с экрана телевизора гавкнул пес, потом я долго заикалась и меня даже возили к какой-то бабке-шептухе.

Вспомнив про шептуху, я подумала, что байки Тамары про колдунью конечно же не что иное, как бабские сплетни. И совсем было собралась задать вопрос Костику, как вдруг заметила, что он слегка нервничает.

– Нечего тут стоять. Мама мия, ей-богу, – как-то боязливо пробормотал он, делая мне знаки головой. – Нехороший это дом, вот покроешься коростой, будешь потом знать.

Костик торопливо зашагал дальше, а я припустилась за ним.

– Подождите, вы что же, тоже верите во всю эту чепуху с черной магией? Ну, послушайте, это же смешно. Разумный человек...

– Смешно не смешно, а леса здесь глухие, места тихие, пропадешь зазря. Иди вон к Томке, раз приехала. Тута ее дом, а мой напротив, – показал он рукой на крепкий бревенчатый домик с черепичной крышей и, слегка пошатываясь, побрел дальше. Кинув на меня прощальный взор, Костик исчез за грязным деревянным забором, который в нескольких местах покосился и в целом выглядел совсем печально. На заборе висела какая-то бумажка, и я приблизилась из чистого любопытства. Надпись гласила: «Звонок не работает. Кричите Кооостик!!!» Усмехнувшись, я покачала головой, после чего замерла у ворот, не зная, на что решиться.

«Идти к Тамаре? Надоедливая тетка меня опять заболтает, да и что нового я услышу? Истории про магию и проклятия меня не впечатлили, но с какого перепугу Алла Камешкова приехала в Петушки?»

Тут я вспомнила про слова доктора Дениса – «петушок поможет» – и мне стало не по себе. Дом с черным петушком, деревня Петушки... Все сходится! Алла приехала сюда в надежде, что ей тут помогут. Но как? Вроде бы Тамара говорила что, Марфа лечит людей за деньги. Послал ее сюда доктор. Может, нетрадиционную медицину решили подключить, раз остеопат

тия бессильна? Хотя я даже не знаю, что там Алла лечит. А может, Марфа еще и порчу наводит? Тамара как раз на этом очень настаивала. Одни сплошные вопросы, а ответов нет. Ну и зачем мне вся эта ерунда? Славику я, чем могла, помогла, пусть дальше сам роет землю носом.

Словно почувяв мой скепсис на расстоянии, Славик возник голосом в ухе: гарнитуру я так и не достала и теперь выглядела сумасшедшей, которая разговаривает сама с собой. По крайней мере, проехавшая мимо на стареньком велосипеде рыжая дама в фуфайке так на меня и посмотрела. Заглядевшись, она чуть не въехала в глубокую по виду лужу, а я показала ей язык.

– Ну что, больному стало лучше, он перестал дышать? – съязвила я, с сожалением рассматривая свои кроссовки. Я их все-таки заляпала.

– Типун тебе на язык, – охнул Славик. – Хотя, знаешь, я еще легко отделался. С нами тогда в горы еще Писарев ездил, друг твоего отца. Лысый такой, помнишь?

– Они все лысые, – буркнула я. – И что?

– Умер на днях, – вздохнул секретарь. – Вернулись они с отдыха, он еще немного землю потоптал, а потом... Сердечный приступ. Говорил я ему: не пей, козленочком станешь.

– Что-то экспедиция у вас вышла очень неудачная.

– А что, если мы сейчас все по одному будем, ну, того... Как десять негрятят, – задумчиво произнес Славик, а я закатила глаза. Его тяга к мистическому объяснению простых вещей меня всегда умиляла, но сейчас я не была настроена на дружеские беседы.

– Ладно, Писарева твоего, конечно, жаль, хоть я его и не помню. Но мне и о себе подумать надо. Знал бы ты, куда меня занесло.

Коротко изложив ему историю своего попадания в Петушки и сообщив, что два дела матерого сыщика Славки Старовойтова неожиданно слились в одно большое делище, я резюмировала:

– Короче, я сматываюсь.

– Может, ты все-таки зайдешь к этой тетке? Поспрашивай ее, что да как. Чем конкретно промышляет эта Марфа? Надо же мне что-то доложить Камешкову. А еще лучше – поселись у Тамары на пару дней, сходи к Марфе этой, как будто на лечение, авось чего и узнаешь.

– Тебе там что, в кефир что-то подсыпают? Как я здесь жить буду? – удивилась я чужой наглости.

– Понимаешь, мне лучше потянуть резину, пока Камешков решит вопросы с оформлением тачки. А потом и с разрешением на оружие, и с лицензией. А еще сегодня он пообещал, что все праздники и юбилеи их отделение полиции будет заказывать угадай у кого? Времена нынче кризисные, так что я бы не расстраивал клиента.

– Твой Камешков под коньячными капельницами и не то пообещает, – буркнула я. – Ты мне предлагаешь тут навеки поселиться, пить горькую с Костиком и следить за петухами и блудницами?

– Зря ты так. Я бы сам с удовольствием пожил на лоне природы. Ты же знаешь, как я люблю всю эту самобытную Русь: все эти оливьешечки, погребочки, клееночки на столе, грязный, будто уже выпавший ржавым, снежок, эти домишки, «Голубые огоньки», кильку в томате, отрывные календари с анекдотами, буфетный хрусталь.

– Ты так говоришь, словно Петушки – деревня, не имеющая равных, место неопишуемых приключений и скрытых красот, – перебила я этого умника. – Тебя послушать, так жить тут – значит быть отмеченной невиданной благодатью. Покорно благодарю!

В продолжение нашего разговора я обратила внимание на то, что из дома Тамары появился маленький тощий мужичок в медицинской маске и с интересом уставился в мою сторону. Я машинально назвала его про себя Леонидом, после чего вспомнила, что он недавно падал с лестницы.

Решив не мозолить ему глаза, я отошла в сторонку, к дому Костика, и тут в телефоне запикала вторая линия. Сбросив Славика, я взглянула на экран и испуганно засунула телефон в карман. Но тут он снова истошно запищал: на мамулю у меня стоял звук пожарной сирены, но ей об этом знать не стоило. Отцов у меня много, а мамуля одна, оттого она еще ценнее и расстраивать ее ни к чему.

– Ты где? – с ходу взвилась мамуля, а я машинально подобралась: она терпеть не могла сутулящихся.

– На месте, – лаконично ответила я, кашлянув.

– Интересно, на каком? Разве что на том, что у тебя ниже спины. Мало по нему в детстве били. На работе тебя нет, раз уж сегодня выходной. А твой сосед Иннокентий заявил, что ты с утра умчалась и вид имела заполошный.

– Он слишком много знает, – проворчала я, а мамуля не преминула съязвить:

– Знает так много, но ничего не слышал об антиперспирантах. А еще он говорит, что ты ешь много сладкого. Видимо, не оставила скверную привычку выставлять мусорный пакет за дверь. Вся в отца.

Я хотела уточнить, в какого именно, но тут меня словно током шарахнуло:

– А как ты... Ты что, не в Ницце?

– Да, я сейчас в твоей квартире. Хотела сделать сюрприз, но не вышло. У тебя везде бардак, холодильник пустой, куда только отцы смотрят? И меня очень волнует вопрос, почему ты рассталась с Димочкой Ланским? Его папа – унитазный король области – звонил, жаловался, что такая невестка ускользнула.

– Я не могу с ним встречаться. Не позволяют обстоятельства, – деликатно попыталась я обойти неприятную тему.

– У тебя появился кто-то другой? – пошла в атаку мамуля.

Я хотела ответить, что кто-то другой появился у Димочки, а у меня просто появился мозг, но сочла лучшим пробормотать что-то невнятное. Незачем дразнить гусей.

– Дома поговорим, – неожиданно рявкнула мамуля, а я вздохнула.

Приплыли. Обычно мамулю калачом не затащишь на родину, и встречи наши все больше проходят на ее территории, то есть на Лазурном Берегу. И если ее принесло в родной город, тому должна быть веская, я бы даже сказала, мускулистая и загорелая, причина.

– Ты поссорилась с Антуаном? – кашлянула я, решив сменить тему.

– В свете последних событий я все больше склоняюсь к мысли, что его стоит называть Хуаном, – хмыкнула мамуля, а я поняла, что попала в «яблочко». – Я же тебе рассказывала, что мы занимались с ним на уроках фламенко?

Я промычала «угу», потому что ничего такого не помнила, но разочаровывать мамулю не хотелось.

– И что? Фламенко вас не сблизило, а наоборот? В том смысле... Все так неожиданно... Ты же говорила, что ближайшие полгода не собираешься приезжать, – протянула я, пытаюсь понять, чего ждать от жизни.

И тут же испугалась своего вопроса, потому как мамуля могла подумать, что я ей не рада. Обычно после упоминаний своих бойфрендов родительница переходила к упоминанию отцов, а потом доставалось и мне. Сейчас я услышу, что она посвятила мне свою жизнь и молодость. И теперь имеет право пожить, как человек, что в ее понимании означало – на всю катушку.

Но сегодня мамуля была подозрительно кротка и покладиста, оттого нотации пропустила и просто заявила, что Хуана надо бы проучить. С этой целью она и приехала, а дата окончания ее побывки пока видится весьма расплывчато.

Признаться честно, я малость скисла. Конечно, я желала родной душе любви и счастья, но перспектива делить с ней квартиру, хоть и двухкомнатную, слегка пугала. Мамуля у меня ого-

го, в том смысле, что женщина она во всех отношениях видная и почти что идеальная. Рядом с ней я остро начинаю замечать свои недостатки, а кому такое понравится?

Когда люди впервые видят мамулю, они впадают в некое подобие транса: родительница эпатажно курит женскую трубку, широко экспериментирует с европейской пластической хирургией и постоянно меняет цвет волос.

Из-за неудачных покрасок и периодически зеленых волос мамуля часто ходит во всевозможных тюрбанах и тюбетейках. Наряды под них она подбирает соответственные: парчовые халаты, кимоно, штаны-гаремы и прочие многослойные великолепия из шелка и атласа.

Однажды я даже не узнала ее на улице, приняв за турецкого пашу. Впрочем, с нашей холодной весной мамуле не повезло: придется прятать пеструю феерию под верхней одеждой. Такую пытку ей долго не вынести.

Родная кровь всегда посмеивалась с моей работы и попыток быть материально независимой, предпочитая проводить время на пляжах в Ницце. После папы № 2 у мамули там осталась небольшая квартирка. По мнению родительницы, мне тоже следовало сосредоточиться на созерцании себя и поиске подходящего мужа, хотя все мужики были явно недостойны и моего мизинца. А созерцать в них, по ее словам, вообще нечего. Ей, конечно же, видней: опыт не пропьешь.

Ну, а коль выбирать мне все равно придется, то, по мнению мамули, лучше присмотреться к золотой молодежи или олигархам. С этой целью последние годы она все чаще звала меня к себе на пляж, где они с бабулей попивали коктейли под зонтиками.

Тут связь внезапно прервалась, как и поток моих мыслей, а телефон предательски выдал одну антенку. Видимо, пытаясь отойти подальше от Тамариных ворот, я забрела слишком далеко. За последним каменным домом как раз начиналась песчаная дорога, уходящая вниз. Видимо, это и был спуск к реке. Ловило здесь плохо, и я скоренько вернулась к дому Костика, еще не решив, стоит ли сразу перезванивать маме или лучше попытаться морально подготовиться к беседам за время дороги домой.

Глава 4

Во дворе Тамариного дома никого не было, и я решила быстрой савраской бежать к машине. Но тут калитка во двор Марфы открылась, и из нее показалась Алла. Я шарахнулась в сторону и с перепугу дернула калитку Тамары. Она оказалась открытой, и я, пригнувшись, ввалилась в чужой двор, надеясь, что из-за серости и мороси хозяева носа во двор не высунут.

Через секунду я услышала, как взревел мощным двигателем замечательный заграничный автомобиль и, взвизгнув покрышками, умчался вперед, в прекрасное будущее. И только я собралась покинуть гостеприимное укрытие, как сзади хлопнула входная дверь. От неожиданности я подпрыгнула, а на пороге показалась хозяйка дома: в темной юбке, шерстяной кофте, мужских носках и резиновых тапочках-миллионниках. В руках она держала очки, которые тут же нацепила, чтобы разглядеть меня.

– Кто здесь? Никак секретарша, из города? – ухнула она, подходя поближе. – А я гляжу, шастает кто-то. Думала, Костик, паршивец такой, дрова ворует. Хотела его шугануть метлой. Тут я заметила, что под мышкой она держала средних размеров метлу.

– Эээ... Меня сыщик прислал, я не секретарша, а стажер, – машинально отступила я под напором Тамары.

– Ну, слава богу, а я уже думала все, не дожусь. А сам-то он где?

– Служит Отечеству, – неопределенно ответила я, но Тамара вроде бы осталась довольна и покивала.

– Чего же стоим, в дом пошли, – спохватилась хозяйка. – Дело-то небыстрое. Улики собрать, то да се. Жить у меня будешь? А что, у меня комнат полно, ремонт хороший, душевая кабина имеется. А сегодня банька у нас, вон Ленька мой топит, вымоем тебя.

Не зная, как себя вести, я попыталась возражать, но Тамара ухватила меня за руку, и через несколько секунд мы оказались в просторной деревенской кухне.

Здесь горела старинная лампа под абажуром, и я смогла хорошенько рассмотреть убранство. В углу икона Богородицы, новенький пластиковый стол и стулья, добротной старой мебели в избытке, в буфете – сервиз «Сирень», нарядные занавески. Дом был большой, хоть и несколько старомодный. Но назвать жилище Тамары неуютным было бы грешно. А грешить я остерегалась.

– Поживешь недельку на воздухе, вон тощая какая и бледная, – радовалась пожилая женщина. – Я тебя откормлю, сыщик твой мне еще спасибо скажет. Командировка выйдет что надо.

«Бинго! Командировка! Я скажу мамуле, что я в командировке. Конечно, жить неделю у Тамары мне и в страшном сне не привиделось бы, но переночевать здесь вполне можно. Смогу выгадать целый день. А завтра Антуан примчится за мамулей. Ну, или хотя бы позвонит ей. Она сменит гнев на милость и на время отстанет от меня с разговорами про замужество и внуков».

Приняв решение, я повеселела, и отправила мамуле сообщение. Суть его заключалась в том, что я в командировке за городом, где плохо ловит связь. Но сердцем я дома, рядом с ней. Телефон я на всякий случай сразу же отключила.

Тамара принялась накрывать на стол, а я размышляла, как бы полочнее узнать про дела Марфы и завтра же свалить из этой злосчастной деревни. На столе появились картошка, хлеб, из подпола Тамара вытащила банку кислой капусты, из холодильника – сало и холодец. Пошарив в кухонном шкафчике, Тамара извлекла на свет пыльную бутылку, любовно ее огладила и водрузила в центр стола.

– Натурпродукт, на перегородах грецких орехов, двойной перегон. Чистая, как слеза. За почин хорошего дела грех не выпить. Давай ближе знакомиться, – без перехода предложила хозяйка. – Я Тамара Ивановна, в магазине в Звеньях продавщицей работала до пенсии. И муженек мой, помнишь? Леонид. Он в колхозе трактористом был, пока не развалился колхоз.

Потом птицу разводить стали, яйца, мясо. Жить-то надо. Болеет мой супруг, правда. Да я уж рассказывала тебе. А тут еще с лестницы вниз. Все по врачам...

Тамара вновь принялась мне пересказывать историю петушка, падения Леонида с лестницы, не забыла и про гибель кур, после чего пошла на второй круг и снова завела песнь про слабый иммунитет мужа. По всему выходило, что подорван он был именно Марфой, наставшей на семью Ивановых проклятием. Из-за этого муженек теперь вынужден ходить в маске, дабы не подхватить еще горшую хворь.

Только тут я поняла, что в кухне как-то незаметно материализовался и сам Леонид, видимо, привлеченный ароматами жидкости с градусами. Он промычал из-под маски что-то приветственное и пошевелил ушами. Но Тамара, нахмурившись, бутылку от него отодвинула, а я вспомнила, что болезный не пьет. Хозяйка достала две стопки, протерла полотенцем и наполнила их пахучей жидкостью. Я пыталась отнекиваться, но Тамара заявила, что меня нужно продезинфицировать с дороги:

– За наш успех.

После чего мы выпили, потому что за успех грех не выпить. И только тут я вспомнила, что я не пью. Девушка я городская, интеллигентная. Конечно же, под настроение могу выпить коктейль или бокал сухого вина, но вот с крепкими напитками совсем не дружу. Свое поведение в тот вечер я могла объяснить только взвинченными рассказами Тамары нервами да неожиданным появлением мамули.

Нервам от самогона лучше не сделалось, а вот желудок «завопил», что я слегка погорячилась.

– Ну что, дочка, преломим хлеба? – крикнула Тамара. Я приналегла на холодец, а Леонид, как тот Пятачок с повязкой на лице, попытался съесть картошину, но успеха не возымел. Тамара закусил капустой и снова села на любимого конька:

– Такой дом у Марфы, это вам не жук начихал! Ты не гляди, что с виду старинный, внутри там ремонт городской, евро на евре. Кухня современная, ламинат. Жена Костика у ней пару раз была, говорила. Она когда-то его пить хотела отучить, так Марфа ей травку какую-то давала. Только Костик эту травку мигом в чае вычислил и заявил, что травить себя не даст. Вроде как мужика рюмки лишить – это как коту кастрировать. Оттого жена плюнула и в город уехала, у них там квартира. А этого непутевого тут оставила, чтобы птицу разводил. Приедет раз в месяц, особенно летом, с огорода наберет и тю-тю. Костик хозяйственный, хоть и алкаш.

– Давайте про Марфу, – вернула я ее к интересующей меня теме.

– А что Марфа? Живет и здравствует. При ней еще работник живет, Василий. Весь косматый, одни глазищи черные торчат. Если его на улице ближе к ночи встретишь, жуть берет. Он у ней и за водителя. У Марфы машина имеется, в город по делам ездит. Небось для обрядов своих что-то закупает. А недавно у ней домработница появилась, молодая совсем, да немая. Бабы пытались ее на остановке разговорить, что да как, а она мычит и головой мотает. Хворая. Почитай, каждый день ездит, убирает, готовит, летом на огороде. Сама-то Марфа уже старая, видать, нелегко дом обслуживать. Она еще и гостевой домик в конце участка год назад поставила. А что? Раз денег куры не клюют. Там у нее иногда ночуют, я свет в окошке порою вижу. Машины оставляют во дворе. А законная ли у нее деятельность? Вот в чем вопрос! – подняла Тамара кверху указательный палец, а Леонид внезапно закивал, хотя со стороны показалось, будто у него начался приступ эпилепсии.

Сначала я пыталась записывать информацию в блокнот, выданный мне Тамарой, но вскоре перестала обращать внимание на ее бормотание и вроде бы даже начала дремать. Что было неудивительно, учитывая насыщенный день.

Решив меня взбодрить, говорливая хозяйка вспомнила про баню. Я же вспомнила про свою машину, и Тамара посоветовала отправить за ней Леонида. Трактор-то он всего один раз в реке топил, так что домчит ее сюда с ветерком.

Я решила, что машине будет безопаснее в лесу, чем в объятиях Леонида, и переключила внимание хозяев на баню. Хотя с детства терпеть ее не могла. Папа № 2 всегда твердил: «Тех людей, которые нам не нравятся, мы посылаем в баню, а тех, кто нравится, зовем в сауну». С возрастом смысл поговорки перестал от меня ускользать, но стойкая нелюбовь к бане сохранилась.

Обижать хозяев я не хотела, оттого покорно потопала в добротное деревянное строение в конце огорода. Не переставая вещать, Тамара хорошенько поддала, вылила на меня пару ведер воды, отхлестала веником, натерла мочалкой из лыка, выдала мне банный халат и, оглядев дело своих рук, заявила:

– Ну вот, другой разговор. Хоть румянец появился. Пойдем, я тебя в дочкиной комнате положу.

Выделенная мне комната с бревенчатыми стенами и маленьким окном оказалась неожиданно уютной. В углу стояла старая деревянная кровать с резной спинкой и горой подушечек, прямо над ней – тоненький коврик с елочками, на дощатом полу лежали яркие половики. Я словно попала в избушку Бабы-яги и, рухнув на постель, мгновенно уснула под аромат развешанных по стенам сухих трав.

Глава 5

Сквозь сладкий сон мне пару раз казалось, что за окном воют собаки, но сил встать и посмотреть на улицу я в себе не нашла. А вот пробуждение мое приятным мог бы назвать только самый рьяный оптимист. Не успев окончательно проснуться, я вспомнила, где я и что со мной, погоревала, что качусь вниз по социальной лестнице, призвала себя не раскисать, села, распахнула глаза и... увидела самого черта. Прижавшись лычком к оконному стеклу, он буравил комнату маленькими глазками, а нос-пяточок резво двигался, оставлял на стекле испарину.

– Чур меня, – охнула я и поспешила опять зажмуриться. Когда я снова решила проткрыть один глаз, физиономия в окне отсутствовала. Привидится же такое! Глянув на часы с кукушкой, висевшие напротив кровати, я охнула: девять часов, а я дрыхну. Хорош сыщик...

В кухне послышались голоса, я торопливо оделась и покинула свою комнату. За столом сидел Леонид и вяло ковырял ложкой манную кашу. Тамара суетилась у плиты, а на скамейке у входа притулился Костик, обмахиваясь меховой шапкой. Только тут до меня дошло, что это его физиономию я видела в окне пару минут назад.

– С добреньким утречком, Дарка, – пропела Тамара, лучезарно улыбаясь, а я чуть не поперхнулась поданным мне чаем. Так по-дурачки меня еще никто не называл.

При моем появлении Костик неожиданно оживился:

– Проснулась, стало быть. А я говорю Томке, жиличка-то уж не спит, можно стол накрывать. Томка, ты бы налила, ей-богу! Мама мия, ну вот хоть за знакомство. А я Ленке сегодня помогу забор поправить.

– Изыди, пропащий. Свой поправил бы. Видишь, гостя у меня? Городская, культурная, тут понимать надо.

– Нагрянули в гости Тюха, Матюха и Колупай с братом, – заржал Костик, а Тамара дала ему подзатыльник.

– Гость – от Бога, так грузины говорят, а они врать не будут, – объяснила она заглянувшему на огонек соседу.

– Знамо дело, вино-то у них какое, а? – закивал он. – Потрясная вомен, чтоб я так жил, мама мия! И по какой нужде к нам? А я мужчина в самом расцвете...

– Я вот еще одну грузинскую поговорку знаю. Бешеную собаку где убьют, там и закопают, – рыкнула на соседа Тамара.

– Скажите, Костик, – решила и я поубавить радость этого неандертальца, – вы в отпуске или как? Это я к тому, что мужчине в самом расцвете следует не в деревне сидеть, а трудиться на благо родины и семьи. Я вот, к примеру, девушка с запросами.

– Не трудящийся я, – мгновенно заскучал Костик, поглядывая в окно. – На инвалидности.

– Что так? – искренне изумилась я, потому как никакой болезни у него не наблюдала: румян, бровями союзен. Да и косая сажень хоть и с натяжкой, но имелась. Разве что уже успел опохмелиться. Но алкоголикам инвалидность, насколько я знала, не положена.

Тамара, язвительно кивая в такт словам страдальца, вмешалась, внеся сумятицу в мою гудящую после самогона голову.

– На мозги он хворый. Ты его не слушай. Это мамаша у него была на инвалидности, тетка моя двоюродная, а он за ней присматривал. А теперь уже год как мамаша нет, а он все в образе. Вот, терплю. Какой-никакой родственник, хоть и седьмая вода на киселе.

Заслышав про почившую мамашу, я застыдилась, обижать Костика уже не хотелось, и я сочувственно заметила:

– Да-а...

Тут с улицы послышался звук подъезжающей машины, хлопнула дверца, а через минуту кто-то зычным мужским голосом стал звать Костика. Видимо, строго следуя инструкции на

бумажке. Навострив уши и враз сделавшись похожим на филина, инвалид по разуму быстро схватил шапку – и был таков.

– Костику про наше дело лучше ни-ни, растреплет по всему району, – многозначительно произнесла Тамара, а Леонид что-то хрюкнул под маской.

– Конспирация превыше всего. А что, много тут жителей у вас вне сезона? – сурово сдвинула я брови и решила поддержать светскую беседу.

– Да нет, в основном пенсионеры. А они почти все перемерли от такой-то жизни.

Тамара вздохнула и принялась загибать пальцы:

– В конце деревни Лизавета живет, что коз держит. Но она не сказать что старая. Лет на десять меня моложе. Отец у нее был в колхозе главный, так жила, как царица. А сейчас все жалуется. Бабка Мальвина, Настасья Павловна, Райка с мужем, еще у реки пара домов жилых. А молодежи мало, вот летом да, все дома, почитай, заняты. Ребятишки туда-сюда на велосипедах гоняют, у реки не протолкнуться. У нас, кстати, по вечерам посиделки, пока огород не начался. Так, что-то вроде клуба пенсионеров. Собираемся друг у друга по очереди: чаепитие, лото, домино. Со мной, может, пойдешь?

Я содрогнулась, представив себе эту дикую и безудержную вечеринку, а Тамара продолжила:

– Будет тетка Елисеевна с дедом Фомой, хромой Елизар с бабушкой Сергеевной. С пригорка они. Сегодня собираемся у Райки-ботаника, она все цветы разводит разные. У нее как раз именины были, вот и отметим по маленькой. Они тебе тоже про Марфу порасскажут. Ленку я с собой не беру, вдруг заразу подцепит. И так весь исхудал, почти не ест. Он у меня, точно птаха божья, клюнет пару зернышек...

Наскоро позавтракав под рассказы про птаху, я решила отправиться за машиной, все-речь опасаясь найти ее на ободах. На улице включила телефон, заранее ужасаясь последствиям моего поступка. Так и есть – восемнадцать пропущенных вызовов. Отцы, Славик, а остальные четырнадцать от мамы. Пробормотав себе под нос «Ой, мамочки», я набрала Славика, но он взял трубку и прошептал, что отдыхает на электрофорезе.

Возле ворот соседа стояли старые оранжевые «Жигули», а рядом маячил радостный Костик уже в новой лисьей шапке и шортах в горох. Как видно, голова была его слабым местом, оттого всегда мерзла.

– Дарка, радость-то какая! У меня тоже гость. Вот, пожаловал на постой, так сказать. Уже второй раз приезжает, и все у меня останавливается. Хороший мужик, рыбалку уважает. Правда, пьет мало, а это странно... Места ему наши нравятся. А я сейчас в магазин смотаюсь, борщеца сварю. Один-то жил, как волк бродячий: что поймаю, то и съем. А с гостем – другое дело. А если под борщец налить...

Тут Костик блаженно закатил глазки, а из двора показался гость, но радость Костика все еще оставалась мне непонятной. Мы с гостем немного поразглядывали друг друга: он с интересом, а я без удовольствия. Потому что разглядывать там было нечего. Коротышка в синем трико, лет пятидесяти от роду, выглядел, безусловно, пройдохой. Судя по всему, он стеснялся своей лысины и безуспешно пытался маскировать «озерцо надежды» на темечке редкими волосами.

Костик сделал попытку нас познакомить, три раза переврал мое имя, назвав меня Дашкой, Динкой и Дианкой. В конце концов он плюнул и пошел в сарай за велосипедом.

– Федор Степанович Кукушкин, – с легким полупоклоном представился гость, а я узнала голос, что зывал Костика. Голос совсем не вязался с тщедушным обликом владельца, оттого немного раздражал. – Вот, решил отдохнуть на свежем воздухе. Как отпуск – сразу сюда. Дом хочу присмотреть, вот и осматриваюсь. Места тут красивые, да?

Я покивала, не зная, как культурно отделаться от Кукушкина, но тут зычно обозначился покончивший с электрофорезом Славик. На его звонок у меня давно стояла ария Мефистофеля в исполнении Магомаева, что слегка озадачило встрепенувшегося Кукушкина.

– Я чуть с ума не сошел, набирал тебе вчера, а телефон отключен. Мне мамуля звонила, – с ужасом в голосе заявил Славик. – Спрашивала, что у тебя за дела. Я прикинулся валенком: лечусь, ничего не знаю. По-моему, она была недовольна.

– Это ее обычное состояние, – утешила я страдальца и, сунув в ухо гарнитуру, потопала в начало деревни.

– Ну что, ты расспросила местную голытьбу про эту Марфу?

– Надо быть добрее к людям, авось к тебе и потянутся, – укорила я Славика и пересказала ему местные байки. – Мне кажется, местные завидуют благосостоянию Марфы, вот и сочиняют небылицы. Короче, одни бабские сплетни. Все, как ты любишь.

– Говорят, что люди, не любящие сплетен, обычно не интересуются своими ближними, – не остался в долгу Славик.

– Слышь, человеколюбивый, я отчаливаю. И, в отличие от твоего хронического насморка, возвращаться не намерена. Я свое обещание выполнила: съездила, посмотрела, разузнала.

– Нет, так не честно, – загнул секретарь. – И за это мне пахать все летние субботы? Ты эту Марфу даже в глаза не видела. Зашла бы к ней, вроде как по нужде. Мол, болею, дитя зачать не могу, помогите Христа ради. Вотрись к ней в доверие, расспроси про ее способности.

– Ты что, решил не дожидаться весеннего обострения и начал радовать меня уже сейчас? Наивный чукотский парень. Даже если Марфа замешана в нехороших делах, станет ли она об этом рассказывать первой встречной?

За разговорами я дошла до своей «ласточки», с облегчением осмотрела ее и решила еще чуточку пройтись. Извилистая дорога, на которой стояла машина, вела к лесу. Немного углубившись, я поняла, что она огибает улицу с тыльной стороны. То есть к дому Тамары я могла вернуться этой же тропой, только зайти со стороны огорода. Если честно, я не помнила, есть ли там какое-то ограждение, но справедливо рассудила, что перемахнуть через забор в джинсах я вполне смогу. Свою машину я решила не светить перед общественностью: тачка дорогая, возникнут вопросы.

Сегодня вопреки всем прогнозам жизнерадостно светило солнце. Птички в лесном массиве оживились и что-то бодро чирикали. Я даже робко предположила, что услышу соловья, но гадкий Славик заявил, что соловей прилетает ближе к середине мая и петь начинает только через семь дней после прилета.

– Чтоб ты так рабочее расписание помнил, – буркнула я, давая «отбой». И с наслаждением вдохнула чистый воздух. И тут я заметила, что как раз дошла до дома Марфы. Никакого ограждения, кроме кустов, в конце ее участка не было. Сразу за участком начиналось поле, судя по всему, то самое, колхозное, которое когда-то бороздил Леонид на своем агрегате.

Высунув шею, я попыталась рассмотреть небольшое бревенчатое строение в конце огорода. Наверное, гостевой домик, что не давал покоя местным. Тут я вспомнила, что соседний участок принадлежит Тамаре, и, если я немного постою на нем, рассматривая дом Марфы, ничего страшного не случится. В случае чего скажу, что я Тамарина родственница.

Я шагнула к молодым сосенкам, за которыми начинались заросшие порослью клена владения моей хозяйки, присела на корточки и стала вглядываться. Если честно, ужасно хотелось увидеть Марфу. Почему-то я представляла ее себе крючковой старухой с черными глазами, похожей на зловещую цыганку.

При солнечном свете дом с флигелем не выглядел ужасающим, и я даже позавидовала его обитателям. Такой терем, да на свежем воздухе, да у реки – живи да радуйся! Никакого движения во дворе не было, поэтому разглядывала я только гостевой домик, покосившуюся за зиму теплицу и баню-бочку.

Я совсем было собралась покинуть свое убежище, как прямо надо мной внезапно каркнула ворона, дверь бани заскрипела, и из нее показался рослый пожилой мужчина в черной рубашке. Он стоял ко мне спиной, но даже из-за спины я видела его косматую бороду и длинные седые волосы. И вдруг он резко повернулся и уперся взглядом аккурат в то место, где я сидела в кустах. К моей чести, отреагировала я мгновенно: припала к земле, встав в планку. Ох, не зря мой тренер всегда твердил: в любой непонятной ситуации стой в планке. Ему, конечно, легко говорить, с его-то мышцами. А мне от планки одно расстройство и трясущиеся запястья.

Теперь я не могла видеть мужчину целиком, а обозревала лишь его ноги в галошах. Оставалось гадать: заметил ли он меня, смотрит ли еще в мою сторону? Жаль, я его как следует рассмотреть не успела. Наверное, это тот страшный работник, про которого рассказывала Тамара, намекая, что он у Марфы не только работает, но и в примаках живет. Однако мужчине, судя по выправке и фигуре, чуть больше пятидесяти. А Марфа вроде бабуля уже за семьдесят.

«Ну и нравы царят в здешних местах...»

За всеми этими мыслями я совсем забыла, что продолжаю стоять в планке, но руки предательски задрожали. Ноги мужчины пришли в движение: к счастью, он уходил. А я решила медленно отползать назад, не делая резких движений.

Когда я уже почти покинула гостеприимные сосенки и присела на корточки, собираясь выбраться на дорожку, сзади послышался скрип велосипеда. Я вскочила, охнула, не удержалась на трясущихся ногах и плюхнулась прямо попой на дорожку. Копчик заныл, я выругалась про себя и недовольно оглянулась, приготовившись нелицеприятно высказаться в адрес велосипедиста.

Но тут охнуть пришлось второй раз: прямо передо мной стояла инвалидная коляска, а в ней сидел симпатичный парень. Точнее, сначала коляску я даже не разглядела, уставившись на ее хозяина, озадаченного моим эффектным появлением.

Я оценила безупречный классический профиль парня. Голубая жилка пульсировала прямо у него над бровью, придавая мужественному и волевому лицу напряженное выражение. К тому же он был блондином, а я всегда испытывала к ним слабость.

– Простите, – пробормотала я, не зная, как начать разговор. Парень-то молчал, не особо мне помогая, и я принялась неловко отряхиваться.

– Не ожидал встретить тут такую красивую девушку. Вы любительница флоры или фауны? – неожиданно хорошо улыбнулся он. – В том смысле, вы одуванчиками интересуетесь или стрекоз ловите?

– Я, собственно, да... стрекоз, – ответила я на его шутку, растянув свой рот от уха до уха. Своей улыбкой я гордилась, так что и продемонстрировать зубы лишней раз не грех.

– Отлично, я тоже их люблю. Правда, они сейчас только появляются. Видимо, ждали тепла. Ну, давайте знакомиться, раз уж мы так удачно встретились в этом забытом богом уголке. Я Артем, 28 лет, не женат, не привлекался.

– Дарина, – смеясь, протянула я ему руку. Он ее легонько сжал своей широкой теплой ладонью и предложил немного прогуляться.

Я заметила, что передвигается мой новый знакомый с трудом: дорога была неровная, на ней то и дело встречались камни и валялись прошлогодние сухие ветки. Чтобы не смущать парня, я старалась двигаться медленно, поэтому прогуливались мы с видом праздных туристов и успели вволю наобщаться.

Решив не пугать Артема своими историями, я ограничилась рассказом про родственницу Тамару, которую я приехала проведать. Упомянуть Марфу не рискнула, но на ловца и зверь бежал. Оказалось, Артем как раз к Марфе и приехал. Знакомые посоветовали ему обратиться к целительнице, чтобы попробовать решить его проблему с ногами. Я решила не спрашивать, что за беда у него с ними приключилась, но Артем сам завел об этом речь.

– Пытаюсь ликвидировать последствия давней травмы, – улыбнулся он, но в его словах звучала затаенная горечь. Правда, парень тут же взял себя в руки и принялся веселить меня забавными историями из жизни фрилансеров. Оказалось, Артем уже давно работает программистом, потому что такая работа позволяет ему вести комфортный образ жизни, да и в офис каждый день ездить не надо.

– Я из династии врачей, даже когда-то сам мечтал стать медиком – но, увы. Зато у врачей теперь часто бываю, – развел он руками, – так что надо четче формулировать свои желания.

– А что же здесь? Неужели нетрадиционная медицина способна помочь лучше обычной?

– Если честно, я не верю во всякую «чертовщину», но, как говорится, на войне все средства хороши. Я хочу ходить, как раньше, так что пробую все. Пока не знаю, чем порадует местная целительница: только сегодня приехал, точнее, меня привезли. Друг, что посоветовал эту женщину. Марфа, кажется? Вроде как соседка его матери тут лечилась, осталась очень довольна. Вот, сумку поставил в гостевой дом и решил немного прокатиться. Все равно целительница принимает ближе к обеду. Так домработница мне на бумажке написала. Кажется, она немая.

– Я и мужчину во дворе заметила, – закинула я удочку.

– Ага, угрюмый тип. Может, родственник? Хотя нет. Наверное, рабочий. Вроде во флигеле живет. Поговорить не с кем. Даже не знаю, насколько меня хватит. Хотя работать я могу удаленно, воздух здесь прекрасный. Так что, возможно, задержусь на пару дней. А ты надолго к тетке?

– Сегодня домой, – с некоторым сожалением отметила я, а Артем вздохнул:

– Жаль, только я начал думать, что мой приезд сюда был не такой уж плохой идеей...

– Давай обменяемся телефонами, – предложила я, когда мы, сделав еще пару рейсов туда-назад, вернулись к огороду Марфы. Пока Артем доставал телефон, на тропинке показалась мужская фигура, и через минуту я констатировала, что гость Костика тоже выбрался на прогулку. Странно, что отправился он не к реке, а к полю. Впрочем, на шее у него был бинокль, а сам он, натолкнувшись на нас с Артемом, слегка смутился и невнятно пробормотал, что любит наблюдать за птицами.

– А прекрасная девушка Дарина наблюдает за стрекозами, – засмеялся Артем, видимо, пораженный обилием юных натуралистов на квадратный метр. Кукушкин вопросительно уставился на меня, а я быстро перевела тему, посоветовав Кукушкину поискать в здешних лесах кукабару. Нервно оглядываясь, он потопал дальше, теребя бинокль.

Артем глянул на часы, и я поняла, что ему пора. Проводив его до огорода, где была вполне сносная дорога к дому, я поспешила к своей машине. И вот тут меня настиг звонок мамы. Она собралась ехать по магазинам, но еще не обменяла валюту. Так что ее в спешном порядке интересовал вопрос, где я храню наличность.

– Деньги в шкатулке, – быстро ответила я, опасаясь допроса с пристрастием, но мамуля была всецело поглощена предстоящим шопингом.

– Я тебе занавески на сайте присмотрела, закачаешься! И текстиль надо поменять, он очень мрачный. Ну и так, по мелочи... Ладно, жду тебя дома.

Тут я подумала, что на мамулины аппетиты моих денег в шкатулке может не хватить. Женщина она широкая в своих проявлениях. На что безбедно жила мамуля, оставалось для меня загадкой. Мне кажется, отцы продолжали платить ей алименты на мое содержание до сих пор, но спрашивать про это я не решалась. Официально мамуля была дизайнером, но чересчур оригинальным: она скупала новые дизайнерские шмотки в европейских бутиках и шила из них набивных котов. Короче, Дольче и Габане не снилось...

Мамуля утверждала, что коты разлетаются, как горячие пирожки, но я подозревала, что дебет с кредитом у нее сходится редко. Парочка котов с прошлого года жила у меня на диване,

пугая выпученными глазами из пуговиц и брендовыми ярлычками, вводящими в ужас любого, кто знал цены на люкс.

Тамару я застала во дворе. Она как раз собиралась его подметать, а Леонид еле-еле постукивал топориком по чуркам, валявшимся у бани. Узнав, что я собралась в город, Тамара всплеснула руками.

– К сожалению, вынуждена вас покинуть. Основная моя работа – это организация праздников. А у сыщика я пока только подрабатываю. Так что информацию я собрала, фото сделала, а дальше уже он сам с вами свяжется.

– Как так уезжаешь? Или тебе комната не понравилась?

– Нет, все отлично. Ну, тут работы уже нет, а там...

– Так мы тебе и тут найдем. Сам Бог тебя послал, не иначе. Давай-ка мы моему Ленке юбилей организуем. У него в конце мая 60 лет. Как родился в мае, так и мается, бедный. Ну, да чего там... Не ссытся – и ладно.

Тут Тамара замолчала, уставилась в одну точку и смахнула скупую слезу.

– Ты не думай, денюга на кармане есть, – спохватилась она. – У меня дочка с зятем свою фирму имеют, стройматериалы. Она мне давно твердит, чтобы я занялась праздником, говорит, все оплатит. А я вот никак не соберусь. У нас тут в Звенячах кафе есть, хорошее, просторное. Будет человек двадцать-тридцать, не больше. Нужно программу сообразить, ведущего там, конкурсы интересные. Чтобы карандашом привязанным в бутылку попасть, шарики попами лопать. На дочкиной свадьбе делали – обхохочешься! Тамада был хороший, и конкурсы интересные. Возьмешься? А я Костику как раз так и сказала: подруга это дочкина, из-за Ленкиного праздника приехала. Как знала. Заодно и Марфу продолжишь окучивать.

Я никогда не умела отказывать людям, из-за чего всегда страдала. Конечно, работать я могу и удаленно: мой ноутбук всегда со мной. На пару дней в офисе меня может заменить Людочка, да и Верка поможет, давно рвется в замы. Собеседования и совещания сейчас все больше проводят в онлайн.

Опять же мамуля с занавесками ждала дома, а здесь симпатичный Артем. С удивлением я отметила, что парень меня очень заинтересовал: образованный, красивый, с чувством юмора. Если честно, про то, что он передвигается в коляске, я даже позабыла. Последнее время мамуля так усердно сватала мне всех отпрысков своих богатых знакомых, что от нахальной золотой молодежи меня уже тошнило.

Немного помявшись у ворот, я решила посоветоваться со Славиком:

– Конечно, оставайся! – воодушевился секретарь. – Камешков говорит, его жена что-то затевает. Пока он в санатории, она стала подозрительно покладистой, а это, по его словам, не к добру.

– Толик опасается, что она узнала про наследство и теперь ждет, когда он официально вступит в права? Тогда и разводиться не жалко.

– Ага, а если она с любовником задумала Толика укокошить? Дождутся наследства, а потом отравят его крысиным ядом.

– И сразу же отправятся в тюрьму.

– Совсем необязательно убивать самим. Вот тут и Марфа...

– Тут уж лучше бы киллер, – тяжело вздохнула я. – Все с этой Марфой точно с ума посходили. Пойти, что ли, глянуть на нее?

– А я могу контролировать Верку и Людку, – поддержал мою затею Славик. – Ноут у меня есть, пусть звонят. Мне в санатории всего пару дней осталось, а там я возьму все в свои руки.

Конечно, руки Славика меня не очень устраивали, но я подогнала машину к дому и обрадовала Тамару, что остаюсь еще на денек. Леонид с уважением оглядел мою машину, а я, спохватившись, беспечно махнула рукой:

– Взяла у бойфренда на выходные.

Тут же с сожалением подумала, что вещей с собой у меня кот наплакал. В машине я всегда возила деловой костюм и туфли на шпильке, но здесь это добро вряд ли пригодится. Зато походная косметичка и несессер с предметами первой необходимости, вроде запасного белья и зубной щетки, порадовали. Привычка держать наготове набор для внезапных командировок и ночевок у друзей в очередной раз выручила, и я привела себя в относительный порядок. Деревенский воздух действовал на меня благотворно, и отражением в зеркале я осталась довольна.

Глава 6

День продолжал радовать ярким солнышком, а на обед Тамара напекла целую гору блинов с мочанкой. Я сообщила «клиентке», что хочу пробраться в логово врага, чтобы разжиться сведениями, но не знаю, как подступиться к Марфе. Хозяйка, подумав, заявила, что лучше не упоминать о нашем родстве, а просто сказать, что я снимаю у нее комнату. Короче, сослаться на сарафанное радио.

Решив заняться этим во второй половине дня, я позвонила на работу и раздала всем необходимые указания, потратив на это битый час. После чего устроилась на лавочке у дома, подставив лицо солнышку, и попыталась просмотреть корпоративную почту. Костик, отведав борщеца, отирался возле забора, упорно игнорируя язык классиков и прибегая к нецензурным выражениям. Завидя меня, он застеснялся и расцвел улыбкой:

– А я вот тут решил начать дачный сезон. Деревце посадить. Яблоня карликовая, а яблоки – с твою голову.

Судя по тому, как заплетался его язык, он все-таки перепутал жизненные цели и вместо дерева сегодня посадил печень вместе с Кукушкиным. Кстати, последнего поблизости видно не было. Скорее всего, отправился на рыбалку.

Весна определенно была лучшим временем для садоводства. Но так как своей земли у меня не было, копать я предпочитала в себе. Чем сразу же и занялась, подумав, что вместо саморазвития и повышения внутренних вибраций (это во мне заговорил папа № 3, не иначе) снова трачу время на глупости.

Я пожелала Костику удачи в праведных трудах и решила попытать счастья у Марфы. Шла, беспричинно улыбалась и вдруг отчетливо осознала, как мало человеку нужно для счастья: солнце, чистое небо, свежий ветер перемен. Впрочем, где-то вдали маячил и призрачный образ прекрасного принца, но об этом думать я себе пока запретила. Незапланированный отпуск в деревне Петушки начинал мне нравиться.

Во двор Марфы я входила с опаской: где-то там жила собака, и встреча с ней не входила в мои планы. Наверное, днем пса привязывали, потому что его присутствия я не обнаружила. С тоской потопталась у дверей, не зная, куда стучать или звонить. Пока я думала, дверь распахнулась, и я увидела молодую веснушчатую девицу в косынке, холщовом переднике поверх темного платья в пол. Я поздоровалась и улыбнулась. Вместо приветствия она издала невыразительное бурчание и недовольно зыркнула на меня из-под насупленных бровей.

Вспомнив про немую домработницу, я попыталась знаками показать, что мне нужно в дом. Либо пантомима моя успеха не возымела, либо домработнице были даны указания никого не впускать, но стояла она насмерть. Я принялась мычать, зачем-то показала себе на живот, потом скорчила гримасу, простонав «болит», а девица, ухмыльнувшись, закатила глаза.

И тут в соседних кустах что-то громко затрещало, судя по звукам, там пробирался карликовый слон. Я сразу же поняла, что это собака, и, оттеснив девицу с криком «ой, мамочки», влетела в переднюю. Сразу же попала ногой в стоявшее там ведро, к счастью, пустое, зацепила какой-то хлипкий стеллажик с жестяными банками, и вот тут уже шума наделала прилично.

Под канонаду падающих снарядов дверь в передней открылась и на пороге показалась сама хозяйка. То, что это Марфа, я поняла сразу, хотя она даже отдаленно не напоминала тот образ, что сложился в моей голове. Полностью седая, высокая, с правильной осанкой. Чувствовалось в ней какое-то скрытое достоинство, и выглядела она моложе своих лет. Одета была в широкие брюки и клетчатую рубашку, а в руке держала дымящуюся сигарету. На меня она посмотрела с сомнением, словно прикидывая, вышвырнуть меня сейчас же или велеть слово молвить.

Решив не ждать милостей от судьбы, я стряхнула ведро с ноги, боязливо покосилась на дверной проем и спросила, может ли она меня взять на лечение. Марфа высунулась в дверь и гаркнула: «Василий, привяжи пса!» – потом еще раз внимательно меня оглядела. Я силилась улыбаться, стараясь иметь вид лихой и развеселый.

– Допустим, – протянула она, принявшись поднимать банки, – и что у тебя?

– Бесплодие замучило, – ляпнула я первое, что пришло в голову, и только потом поняла, что это не в голову пришло, а бредовые идеи Славика пустили во мне ростки и заколосились буйным цветом.

Марфа удивленно приподняла брови, а я, осознав всю абсурдность подобного заявления, принялась лепетать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.